

ЗАКЛЮЧЕНИЕ РЕДАКТОРОВ

Бруно Коппитерс

Не в обычае редактора подводить итог своей книге, указывая на ее интеллектуальную ограниченность. Такая критическая оценка обычно делается в рецензиях на книги, причем специалистами, не причастными к данной публикации. Коммерческий издатель, вероятно, не придет в восторг от того, что ему нужно реализовать книгу, в которой редакторы выделяют то, что книга не сумела предложить. Наш проект издания книги, однако, рассматривался как первый шаг в долгосрочном сотрудничестве между грузинскими и абхазскими учеными на международном уровне. Мы должны были также оценить, какого типа знаний недостает в анализе конфликта и в предложенных рецептах. Ниже я укажу на то, что я лично считаю главными недостатками нашего общего опыта. Согласно европейской научной традиции, знание таких недостатков — первое условие их преодоления.

Отсутствие институциональных моделей. Один из наиболее поразительных аспектов продолжающихся переговоров состоит в том, что обе стороны чрезвычайно точны в формулировках, когда дело касается взаимных обвинений, но их высказывания довольно расплывчаты, когда речь идет об описании их собственных взглядов на характер работы общегосударственных учреждений и в особенности на гарантии безопасности обеих общин. К сожалению, статьи, включенные в этот сборник, не сумели преодолеть подобную ограниченность. Авторы попытались выработать положительный подход к компромиссному решению, но остаются весьма немногословными, когда речь заходит о принятии институциональных мер. Грузинские статьи сосредоточиваются на геополитических условиях мирного урегулирования и совершенно избегают конкретизации альтернатив унитарному государству федерального типа. Абхазские предложения, в частности те, что выдвигают Станислав Лакоба и Вячеслав Чи-рикба, являются более полезными в этом отношении. В настоящей книге контраст между готовностью абхазских участников перевести решение вопроса о политическом статусе в практическую плоскость и относительным нежеланием грузин выйти за рамки общего анализа этого вопроса весьма интересен, особенно если мы сравним этот контраст с продолжающимся процессом переговоров. В течение прошлых лет абхазскую сторону критиковали за отказ от обсуждения вопроса политического статуса в положительном ключе. Эта критика предполагала, что конфедеративное устройство, которое не дает никакой гарантии грузинской стороне относительно прав грузинских внутренне перемещенных лиц или угрозы сецессии, не может

рассматриваться как конкретное предложение. Хотя грузинское политическое руководство начиная с 1995 г. заявляло, что оно готово в принципе обсуждать более или менее радикальные формы федерализации, этот вопрос не занимал значительного места в интеллектуальных дебатах в Грузии в то время, когда готовились статьи для этой книги, что и явствует с полной очевидностью из представленных работ грузинских авторов.

Читатель имеет возможность ознакомиться в этой книге с точками зрения абхазских участников на общее государство. Но он с большим трудом найдет в предложениях по институциональному устройству сколько-нибудь четкое разграничение полномочий, которое сделало бы длительное сосуществование возможным. Ни один из авторов не сделал попытки описать последствия конфликта интересов в той институциональной структуре, которую он предлагает. В предложениях Станислава Лакобы или Вячеслава Чирикбы трудно увидеть, как можно разрешить конфликт интересов между субъектами федерации или конфедерации без того, чтобы это обязательно привело к распаду предлагаемых федеративных институтов и восстановлению фактической независимости отдельных субъектов.

Отказ от рассмотрения по существу институциональных реформ, которые предстоит осуществить, несомненно связан с отсутствием конкретных знаний у участников в этой области. Конференция и проект книги были задуманы как первый обмен мнениями по различным аспектам конфликта. Редакторы не выделяли в качестве наиважнейшего какой-либо специфический аспект. С этой точки зрения можно было бы и не сомневаться, что федерализм и конфедерализм будут являться стержневыми темами статей. Отсутствие анализа институциональных форм урегулирования этнических конфликтов все же указывает на более трудную проблему, как я уже говорил выше. Решение грузинского руководства бороться за воссоединение Грузии с Абхазией путем федерализации было принято в ходе дебатов по новой конституции в 1995 г., но не получило значительной интеллектуальной поддержки со стороны научной общественности. Такой разрыв между пониманием руководства, что федерализацию — последнее средство для восстановления политической стабильности после провала всех других вариантов, с одной стороны, и отсутствием заключения специалистов по поводу установления федеративного устройства с другой — не следует рассматривать как непреодолимый барьер для федеральных реформ в Грузии. Каждая федерация, опираясь на свой уникальный опыт в процессе федерализации, должна провести собственную экспертизу самого процесса федерализации. Сначала необходимо осуществить

конституционную и юридическую экспертизу. За ними последует анализ с точки зрения других научных дисциплин (экономики, финансов, политологии). В Испании и Бельгии целое поколение экспертов обучалось на месте в ходе дебатов по внедрению федеральных учреждений и подготовке конституционных проектов.

Тем не менее еще одним препятствием для проявления интереса к механизмам федеративных систем служит то, что грузины и абхазы придают большее значение геополитике, чем реформам государственного устройства. Не так обстояло дело в Испании и Бельгии, когда в этих странах шла дискуссия по вопросам федерализации. Первостепенный интерес к геополитике можно объяснить историей самого грузино-абхазского конфликта. Начиная с насильственного включения Грузии и Абхазии в состав Советского Союза в 1921 г. отношения между обеими общинами стали частью «внутренней» советской политики. В ходе борьбы обеих общин за суверенитет в конце 80-х гг. XX в. и даже после распада Советского Союза стало чрезвычайно трудно отличить «международное» измерение конфликта от «внутренней» борьбы за власть, происходящей в Москве и в Тбилиси. Отставка Эдуарда Шеварднадзе с поста советского министра иностранных дел в декабре 1990 г. отчасти объяснялась его разногласиями с Горбачевым по поводу отношения к тбилисской бойне в апреле 1989 г.¹ Шеварднадзе также был недоволен пассивным отношением Горбачева к нападкам консервативных военных на его внешнюю и оборонную политику. Тремя годами позже Шеварднадзе, ставший тем временем лидером независимой Грузии, выразил подобное же недовольство в связи с нежеланием Ельцина прекратить поддержку, оказываемую ранее советскими, а теперь российскими войсками абхазской стороне. Переплетение внутренних конфликтов с международными конфликтами в Абхазии, Грузии и России стало еще более явственным после отступления грузинских сил из Абхазии в октябре 1993 г. Ради подавления последней попытки бывшего президента Гамсахурдиа восстановить власть в Тбилиси Шеварднадзе попал в полную зависимость от российской военной поддержки. Российская поддержка Грузии в гражданской войне была предоставлена при условии, что Грузия вступит в СНГ и что Россия сможет дислоцировать свои войска на грузинской территории. В ходе войны 1992—1993 гг. Абхазия пользовалась прямой поддержкой депутатов российского парламента. Российский парламент и президент России, возможно, разделяли сходные взгляды относительно угрозы отделения Северного Кавказа и необходимости в сильном российском присутствии на Южном Кавказе, но они были вовлечены в серьезный

¹ См. Ekedahl C. M., Goodman M. A. The Wars of Eduard Shevardnadze. Hurst & Company. London, 1997. P. 238-251.

конфликт друг с другом, касавшийся внутренней политики. В октябре 1993 г., вскоре после абхазской военной победы, Ельцин приказал верным ему войскам силой вытеснить своих противников из здания парламента в Москве. С арестом вице-президента Руцкого и других лидеров оппозиции в парламенте Абхазия потеряла существенный козырь в Москве.

Трудно провести четкие границы между внутренней и международной политикой России и Грузии в течении периода 1989—1993 гг. Этот период включал в себя одновременно выход Грузии и России из состава Советского Союза, полномасштабную гражданскую войну в Грузии против демократически избранного президента, разгром парламентской оппозиции в России военной силой и опасность отделения Чечни от России и Абхазии от Грузии. Можно анализировать грузино-советские, российско-советские, грузино-российские, чеченско-российские и грузино-абхазские отношения и как внутренние, и как международные.

Тот факт, что военные события не позволяли отделить внутреннюю политику от международной, в значительной степени объясняет неспособность нынешних российских, грузинских и абхазских политических элит, которые все были частью одной и той же советской элиты, провести ясное различие между внешним и внутренним измерениями суверенитета и условиями государственной стабильности. И поэтому весьма проблематично формулировать предложения по урегулированию. Когда Эдуард Шеварднадзе выступает за применение «боснийской модели» к Абхазии, он ссылается на осуществление международным сообществом решений Совета Безопасности ООН, а не на внутреннюю модель полиэтнического сосуществования, подразумеваемого в Дейтонском соглашении. Его представление о «боснийской модели» основано на недавнем опыте действий ООН и НАТО в бывшей Югославии и оправдывает (легитимирует) возможное применение силы. Использование этой модели служит внутривнутриполитическим целям, создавая надежду, что международное сообщество может решить конфликт путем выполнения некоего рода приказа. Это также направлено на оказание определенного давления на российского посредника в конфликте. В дискуссиях с западными дипломатическими кругами, от которых вряд ли можно ожидать глубокого знания абхазских проблем, особенно полезно говорить в категориях более знакомой модели, чтобы обозначить потребность в решительных действиях.

Но результаты «боснийской модели» в достаточной степени не проанализированы. Когда Шеварднадзе ссылается на образцовый характер вмешательства в Боснии, не принимаются во внимание огромные трудности, связанные с ликвидацией последствий этнической чистки в Боснии и созданием

гарантий дальнейшего существования боснийского государства. Не обращается внимания на создание новых этнических анклавов и государственных образований, а также на все больший переход прямых обязанностей по управлению в руки представителей институтов международной безопасности (ОБСЕ, например, назначила в апреле 1998 г. собственного администратора для управления Сребреницей¹). Основная критика «боснийской модели» состоит в том, что она не дает четкого представления о том, как «грузино-абхазская модель» федеративных отношений могла бы избежать политической неустойчивости и возникновения новых силовых конфликтов. Пропагандистское использование «боснийской модели» не учитывает и политические условия западного/международного вмешательства, которые присутствовали в Боснии и отсутствуют в Абхазии (Босния не была частью «заднего двора» России, в то время как Абхазия считается принадлежащей к сфере российского влияния; западное общественное мнение оказало огромное давление в пользу военного вмешательства в Боснии и размещения там приблизительно 30-тысячного воинского контингента, тогда как оно совершенно не обеспокоено конфликтом в Абхазии).

Согласно грузинскому подходу гарантии, которые получит Грузия с помощью иностранной поддержки для проведения в жизнь любой модели этнического сосуществования, при которой будет соблюдена территориальная целостность Грузии, более важны, чем гарантии стабильности, связанные с функционированием самой модели. Последствия такого подхода хорошо проанализированы в статье Юрия Анчабадзе, когда он описывает отношение Грузии к российско-чеченской войне. Шеварднадзе поддержал позицию правительства России (включая бомбежку гражданского населения Грозного) и заявил, что он предоставил бы Абхазии те же полномочия, которые Россия предоставит Чечне. После военного поражения российских сил Чечне были предложены (и ею отвергнуты) полномочия, которые далеко превзошли те, которые Грузия, считаясь с необходимостью учитывать интересы своих беженцев, готова предоставить Абхазии. Главный урок, который следует извлечь из этого опыта — то, что не только нереалистично, но и контрпродуктивно надеяться, что координация грузинской политики с политикой других региональных держав или международных организаций может заменить продуманные проекты федеративных отношений с Абхазией. Грузинское руководство, заменив прежнюю ссылку на Чечню новой ссылкой на Боснию, по-видимому, извлекло неправильный урок из этого опыта.

Отсутствие представления о конкретной форме общего государства

¹ См. The Economist, 11 April 1998.

характерно и для абхазского руководства. Вопрос о безопасности и политических гарантиях грузинскому населению Абхазии, как представляется, не продуман. Абхазское руководство сосредоточивает гораздо большее внимание на геополитических факторах, которые могут влиять на его положение на переговорах, чем на разработку государственных структур, в которых суверенитет будет осуществляться совместно. Отказываясь от любых прямых обсуждений вопроса политического статуса и от любого диалога с политическими представителями грузинского населения из Абхазии, абхазское руководство выражает эту мысль в не менее радикальной форме, чем грузинское, когда оно использует «боснийскую модель».

Это отсутствие творческого взгляда на внутренние условия мирного урегулирования нельзя объяснить просто недостатком чувства политической ответственности или неспособностью идти на компромисс. Критические замечания, которые неоднократно адресовались российским министерством иностранных дел обеим сторонам — об отсутствии прогресса на переговорах из-за их неспособности пойти на существенные компромиссы — вполне соответствует действительности, но не касается сути вопроса. Грузия и Абхазия в самом деле сталкиваются с дилеммой безопасности, к которой нелегко подобрать решение в федеративном ключе. Грузия и Абхазии пережили войну, которая привела их обеих на грань полного распада. Обе они неспособны выиграть новую войну без сильной иностранной поддержки. Такая война имела бы губительное влияние на их экономику и даже в случае победы не обязательно привела бы к целям, к которым они стремятся. Однако не легче оценить и последствия компромиссного решения. Действительно существует высокий риск, связанный для обеих сторон с созданием общих государственных структур. Установление конфедеративных отношений с Абхазией имело бы прямым следствием радикализацию позиций Южной Осетии и Аджарии. Поэтому грузинское руководство категорически отказалось рассматривать это предложение как вариант на переговорах. Для грузинского правительства также чрезвычайно трудно вычислить последствия федерализации государственных структур для отношений с Южной Осетией или Аджарией. Даже очень ограниченная федерализация создает собственную динамику, которую — поскольку децентрализация является основной характеристикой федерализма, — возможно, не удастся удержать под полным контролем нынешнего правительства. Это, скорее всего, одна из причин того, почему не было предпринято никаких серьезных попыток в направлении какой-либо формы совместного суверенитета с другими регионами или другими этническими общинами Грузии. Аналогичным образом

абхазское правительство с большим трудом может предсказать политические последствия возвращения беженцев в Абхазию и создания новых государственных структур, в которых существующее руководство делило бы власть с грузинами.

Первичная нормативная функция любого государства — защищать своих граждан. Эта функция до сих пор не выполнялась ни грузинским, ни абхазским государствами в постсоветский период. Когда подразделения грузинского государства вступили в Абхазию в августе 1992 г., они представляли угрозу для абхазской общины. После войны грузинское государство ввело экономическое эмбарго против гражданского населения, которое оно, по его утверждению, представляло. Абхазское государство не смогло или не пожелало преодолеть ситуацию этнической чистки, обеспечив гарантии безопасности грузинских беженцев, возвращающихся в Абхазию. Грузия и Абхазия могут перестать представлять угрозу друг для друга только в том случае, если они будут готовы пойти на большой риск при конституировании общего государства. Нет никакой уверенности в том, что руководство обеих сторон способно в ближайшем будущем преодолеть страх дестабилизации. Интенсификация экономических и других форм кооперативных связей, ведущаяся с ноября 1997 г., является необходимым, но недостаточным условием для создания степени доверия, достаточного чтобы преодолеть этот страх и предпринять рискованные шаги в направлении политического сотрудничества. Поддержка иностранными правительствами той или иной стороны конфликта лишь обостряет существующие опасения. В этих условиях имело бы смысл не создавать ложные ожидания в грузинском обществе и не усугублять опасений абхазской общественности путем обращения к «боснийской модели», а вместо этого сконцентрировать политическую дискуссию на внутренних условиях сохранения стабильности в процессе политической трансформации. Тот факт, что обеим сторонам приходится преодолевать сходные опасения, означает, что не имеет большого смысла занимать позицию за или против какой-либо из сторон в конфликте.

Вышеизложенная позиция — личная позиция. Другие авторы этой книги вовсе не обязательно могут разделить мои взгляды о причинах, по которым грузинскому и абхазскому руководству трудно сделать шаг вперед от нынешней стадии переговоров. Но некоторые из грузинских и абхазских статей касаются этих вопросов. Тот факт, что обе стороны слишком полагаются на иностранную (российскую или западную) помощь для укрепления своей собственной позиции, например, критикуется Гиа Тарханом-Моурави. В ходе конференции также говорилось, что отсутствие продуктивных дискуссий по конкретным формам

государственного устройства частично объясняется недостатком у общественности знаний о (кон) федеративном опыте. Поэтому было решено, что вторая конференция в Брюсселе должна будет сосредоточить внимание на оценке значения такого опыта для грузино-абхазских отношений и что труды этой конференции станут доступными для широкой аудитории в Грузии и Абхазии. Конференция состоялась в ноябре 1997 г., и текст ее трудов также готовится к публикации.

Ограниченный диалог. Грузино-абхазский конфликт затронул не только грузинскую и абхазскую общины. Русская, армянская, греческая и другие общины в Абхазии также были вовлечены в него. Одним из основных недостатков нынешнего грузино-абхазского сотрудничества — и, очевидно, многих других инициатив, дипломатических или предпринимаемых неправительственными организациями в регионе, — является их исключительное фокусирование на двух общинах, которые непосредственно противостояли друг другу в ходе войны. В состав нынешнего абхазского правительства включено несколько министров-неабхазов, но неабхазские общины не принимают участия в переговорах как таковых. Негрузинское население Грузии фактически не представлено в грузинском политическом истеблишменте, и вопросы будущего политического статуса Южной Осетии и Аджарии решаются тбилиским правительством как отдельные переговорные проблемы, дабы избежать всякого влияния одного конфликта на другой.

Тот факт, что было невозможно включить в число участников этой конференции ученых из числа грузинских беженцев из Абхазии, вызывает самое большое сожаление. Это можно легко объяснить тем, что было бы трудно организовать диалог между грузинскими и абхазскими учеными из Абхазии в ситуации, когда абхазское правительство отказывается от любой формы диалога с политическими представителями беженцев. Можно было бы также сказать, что конференция, стремящаяся положить начало долгосрочному сотрудничеству, должна была сначала преодолеть сильные взаимные подозрения грузин из Грузии и абхазов из Абхазии, прежде чем включать в число участников диалога других лиц. Диалог между всеми общинами из Абхазии — условие любого мирного урегулирования. Препятствий для такого диалога в принципе не больше, чем в ходе преодолеваемого кризиса в Северной Ирландии, израильско-палестинского конфликта или конфликта между южноафриканским режимом апартеида и АНК. Имеются, вероятно, и некоторые общие интересы между грузинской из Абхазии и абхазской общинами, которые ныне отошли на задний план из-за взаимных актов террора и обвинений в терроризме, но которые могут вновь выйти на передний план как только наладится диалог. Грузинская община Абхазии в течение некоторого

времени будет по-прежнему рассчитывать на то, что тбилисское правительство будет добиваться гарантий ее политических прав и прав собственности, но как только эти права будут гарантированы, она вспомнит, что ее интересы в плане экономического будущего региона теснее переплетены с интересами других общин Абхазии, чем с собственно Грузией. Это особенно справедливо, если иметь в виду длительную перспективу, которую надо учитывать, когда мы говорим о национальных интересах. Данное утверждение можно оспаривать, но лучше это следовало бы делать на научной конференции с участием всех общин Абхазии.

Юрий Анчабадзе

Конференция «Грузины и абхазы. Поиски согласия и роль международного сообщества» стала заметной вехой в намечающемся научном диалоге грузинских и абхазских исследователей по крайне болезненной и тяжелой для обеих сторон проблеме, связанной с войной 1992—1993 гг., ее последствиями и поисками путей разрешения конфликта. Необходимость подобного диалога ощущалась уже давно. Между тем предшествующие немногочисленные попытки контактов завершались неудачно, так как диаметрально противоположные позиции участников, основанные на эмоционально-личностном восприятии недавних трагических событий, становились серьезным препятствием на пути к конструктивному академическому диалогу и дискуссиям.

Конференция, проведенная в июне 1997 г. в Брюсселе под эгидой фламандского Свободного Брюссельского университета, стала свидетельством новой ситуации, сложившейся за последнее время. Интенсивная трехдневная работа показала, что период эмоциональных выпадов и огульных обвинений, которыми так часто грешили в недавнем прошлом обе стороны, уже позади. Политическая конъюнктура, на которой основывалась позиция многих авторов, писавших о грузино-абхазском конфликте, потеряла свою актуальность. Ныне ученые и в Тбилиси, и в Сухуме пытаются объективно осмыслить истоки и причины трагического противостояния между Грузией и Абхазией, представить собственное видение проблемы, предложив возможные пути выхода из создавшейся ситуации.

Прозвучавшие на конференции доклады и состоявшаяся дискуссия показали, что проблематика грузино-абхазского конфликта освобождается от груза мифологизированных представлений, которые еще недавно были неотъемлемой частью политологических опусов и публикаций по данной теме. Во всяком случае, на конференции не муссировались легенды о христианско-исламской подоснове грузино-абхазского противостояния, о «генетической» приверженности абхазов коммунистической идеологии и Советам, о 300 тысячах грузин-беженцев, ожидающих репатриации, и т.д. Внимание было сосредоточено на реальной ситуации в регионе, на сложных проблемах, которые в действительности породили конфликт, либо стали его следствием, являясь ныне основным препятствием на пути достижения мирного соглашения.

В то же время очевидно, что стороны не всегда адекватно представляют особенности протекания политических, социальных и идеологических процессов в противоположном «лагере». Так, с одной стороны, грузинские коллеги явно не учитывают силу воздействия поствоенного синдрома на все стороны жизни Абхазии

и, в частности, на морально-психологические установки населения республики по отношению к возможным контактам и формам взаимоотношений с Грузией и грузинами; высказывалась также неадекватная, преувеличенно-негативная оценка роли России в генезисе абхазо-грузинского конфликта, в событиях войны и на нынешнем этапе мирного урегулирования. С другой стороны, для абхазских представителей во многом была неожиданной критическая интерпретация грузинскими коллегами позиции и действий тбилисского руководства, способствовавшего обострению грузино-абхазских взаимоотношений и началу боевых действий в августе 1992 г. Такие оценки были восприняты абхазской стороной как новое явление в общественном и научном сознании грузинского общества.

Тем не менее дискуссия на конференции была достаточно жесткой. Как и следовало ожидать, наиболее спорной оказалась основная научная проблема конференции. Консенсус по вопросам о поисках согласия между сторонами пока не найден. Расхождение позиций участников конференции гораздо существенней и глубже, чем наметившиеся точки соприкосновения.

При этом отчетливо выявилась специфика подходов к этому вопросу грузинских и абхазских участников конференции. Позиция грузинских ученых заключается в том, что поиски согласия должны вестись в контексте территориального единства бывшей Грузинской ССР. В качестве аргумента приводятся не только факт международного признания Грузии как независимого государства в ее советских границах — очевидно, что для грузинских коллег это наиболее существенное обстоятельство, — но и доводы геополитического, экономического и исторического характера, которые свидетельствуют в пользу объединения Грузии и Абхазии в рамках единого государства, повторяющего в своем внутреннем устройстве в той или иной вариации модель взаимоотношений Тбилиси и Сухума периода советского режима.

Абхазские участники предпочитали рассматривать другие модели урегулирования. По их мнению, важным шагом на пути к согласию должно быть преодоление стойкого недоверия, которое стороны в настоящее время испытывают друг к другу. Этому должно способствовать институирование новых, нетрадиционных форм взаимоотношений (по мнению Станислава Лакобы, например, Кавказской конфедерации), в рамках которых абхазские представители склонны рассматривать вопрос о будущем мирном урегулировании абхазо-грузинского конфликта.

На конференции впервые был поставлен вопрос о роли международного

сообщества в деле достижения абхазо-грузинского согласия. Конференция показала, что и в этом случае позиции сторон также не во всем совпадают. Грузинские коллеги весьма высоко оценивают миротворческий потенциал мирового сообщества, считая, что неудачное посредничество России может быть заменено или, по крайней мере, дополнено более активным участием в политическом процессе урегулирования западных стран. Выступления абхазских представителей были не столь оптимистичны. По их мнению, более активная позиция Запада может изменить сложившийся геополитический баланс в регионе, что не будет способствовать позитивному развитию миротворческого процесса.

В то же время материалы конференции показали полное единодушие взглядов по вопросу о необходимости привлечения западной теоретической мысли к научной разработке комплекса проблем, связанного с грузино-абхазским конфликтом, и, шире, с взаимоотношениями Грузии и Абхазии в исторической и современной перспективе. Исследования должны быть также сосредоточены на анализе европейского опыта федерализации и коммунализации особенностей развития местного регионализма, положительных и отрицательных сторон в истории созидания общеевропейского дома. С этой точки зрения трудно переоценить значение докладов, представленных европейскими участниками, и развернувшихся по ним дискуссий. Чрезвычайно важно также, что на конференции в круг проблематики грузино-абхазского конфликта было введено изучение морального аспекта ситуации, связанного, в частности, с войной и ее последствиями.

В заключение хочется выразить надежду, что публикация материалов конференции послужит не только целям исследования многообразных проблем грузино-абхазских взаимоотношений, но и станет важным шагом на пути взаимопонимания между научными сообществами Грузии и Абхазии, совместные усилия которых могут помочь поискам мира и согласия в регионе.

Смысл этой книги — одновременно научный и политический. Интеллектуалы обычно не любят, когда на них смотрят как на представителей наций или этнических групп: в качестве интеллектуалов они предпочитают роль стоящих выше национально-общинных чувств. Научную конференцию, где участники делятся на две этническим образом определенные и равные «стороны», дополненные «нейтральными» людьми со стороны, можно считать противоречием в терминах.

Но правда и то, что интеллектуалы играют заметную роль во многих конфликтах, подобных обсуждаемому в этой книге. В частности, можно сказать, что грузино-абхазский конфликт был затеян историками и филологами. Было бы наивно считать, что если ученые разберутся между собой, будет незачем воевать: ученые сейчас играют гораздо меньшую роль, чем перед войной (кроме тех, кто стал политическими лидерами), и вообще им гораздо лучше удается создавать противоречия, чем разрешать их. Но когда политики находятся в тупике (а именно так обстоит дело в рассматриваемом конфликте), естественно ожидать от интеллектуалов, что они, по крайней мере, попытаются исследовать альтернативные пути.

Таким образом, эту книгу можно рассматривать двояко. С одной стороны, это попытка описать и понять грузино-абхазский конфликт с различных точек зрения. Насколько мне известно, это пока первая попытка такого рода, потому она обречена быть лучшей. Научное качество той или иной статьи может нравиться или не нравиться, но книга наверное станет обязательным чтением для тех, кто хочет разобраться в конфликте в Абхазии. Но, как я сказал, у нее есть и важный политический аспект: «исследования альтернативных путей». В этой части оценки скорее всего будут более противоречивы. Если кто-то думает, что для решения конфликта достаточно освободиться от предрассудков и приложить честное интеллектуальное усилие, его ждет разочарование. В частях, касающихся будущих решений, все авторы были более осторожны и ограничивались более общими формулировками, чем когда говорили об истоках и предпосылках конфликта. Наиболее конкретное предложение, высказанное Станиславом Лакобой, о создании грузино-абхазо-чеченской конфедерации, вряд ли можно считать предметом серьезной дискуссии, ибо оно подразумевает открытый конфликт между Грузией и Россией. Не произошло прорыва, не было выработано смелых новых проектов, которые интеллектуалы могли бы повезти домой с тем, чтобы убеждать свои правительства и общества в необходимости их осуществления.

Но если исходить из объективной сложности ситуации, результаты могут

быть увидены в ином свете. Принимая во внимание всю глубину противоречий (очень хорошо описанную в представленных статьях), участники пришли к согласию по очень важному пункту: устойчивое решение следует искать в рамках федерализма. В этом смысле я разделяю общий оптимизм, выраженный в статье Вячеслава Чирикбы. Без сомнения, этот оптимизм не следует переоценивать: такие слова как «федерация» или «конфедерация» постоянно используются представителями сторон как символы, а не понятия, и Бруно Коппитерс совершенно правильно утверждает, что серьезной дискуссии об их содержании не ведется ни в грузинском, ни в абхазском обществах. Это проявилось и во время конференции. Но в этом как раз и суть дела: следует исследовать и дискутировать содержание и конкретные варианты, и кому, как не ученым, этим заниматься. Понимание необходимости углубиться в детали федеральных проектов было, возможно, главным результатом конференции — оно послужило отправной точкой для идеи нового проекта. Я могу сказать от имени грузинских участников, что мы вернулись с конференции несколько более оптимистически настроенными, чем были вначале.

То, что произошло в самом регионе после конференции, дало пищу как оптимистам, так и пессимистам. С одной стороны, в августе 1997 г. в Тбилиси произошла встреча Ардзинбы и Шеварднадзе, которая вызвала сенсацию, но не принесла ощутимых результатов. Впрочем, было важно, что стороны обязались не прибегать к военным средствам (хотя подобного рода соглашения на Кавказе не слишком соблюдаются) и что за встречей последовала серия визитов, которые исследовали возможность экономического сотрудничества — совершенно новое явление, до того не наблюдавшееся. С другой стороны, в южной части Абхазии интенсифицировалась партизанская война, и в мае 1998 г. произошли крупные столкновения, которые чуть не привели к новой крупномасштабной войне. Грузинское правительство отрицает связь с грузинскими вооруженными группами и может даже формально осудить их действия, но мало кто сомневается, что правительство помогает, по крайней мере некоторым из партизанских групп. Что особенно важно, партизанское движение легитимно в глазах грузинского общества, разочарованного годами бесплодных переговоров, и существует нажим на правительство (подобно нажиму на абхазское правительство в изгнании) с тем, чтобы оно открыто оказывало поддержку партизанам, как это делает абхазское правительство в изгнании. Это не означает общественной поддержки новой большой войне, однако общество склоняется к тому, что сухумским властям следует ясно показать, что им не удастся остаться безнаказанными после этнической чистки. Это, без сомнения, развитие в опасном направлении: ожесточенность по поводу новых

смертей еще более уменьшает шансы на принятие компромиссного решения, а партизанские группы могут в последующем стать фактором дестабилизации в собственно Грузии.

Все это заставляет думать, что, нравится нам это или нет, окончательное решение конфликта в Абхазии — долгосрочная проблема, и к ней нужно относиться соответственно. Это увеличивает значение встреч, подобных той, в результате которой родилась эта книга. Главным препятствием к миру является не упрямство плохих политиков или корыстные интересы определенных групп, а иллюзии относительно самих себя и других, недостаток привычки к тому, чтобы иметь дело с серьезными проблемами и делать ответственный выбор, а для преодоления этих факторов нужно немало времени. В этом смысле любая совместная попытка честно исследовать проблемы и варианты их решения имеют не только научную ценность, но и значимость на пути к миру.

Об авторах

Юрий Анчабадзе — старший научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН.

Реваз Гачечиладзе — бывший заведующий кафедрой социально-экономической и политической географии Тбилисского государственного университета. В настоящее время — посол Грузии в Израиле. Автор книги: «The New Georgia: Space, Society, Politics» (London: 1995).

Бруно Коннитерс — доцент фламандского Свободного Брюссельского университета (Vrije Universiteit Brussel (VUB), Бельгия). Последние публикации в качестве соредактора: «Commonwealth and Independence in Post-Soviet Eurasia» и «Conflicting Loyalties and the State in Post-Soviet Russia and Eurasia» (оба сборника опубликованы издательством Frank Cass, London, 1998).

Станислав Лакоба — старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований, заместитель председателя парламента Абхазии в 1990—1996 гг. Главная публикация — «Очерки политической истории Абхазии» (Сухуми, 1986). Автор нескольких работ в подготовленной к печати книге «The Abkhazians» (под ред. Джорджа Хьюитта).

Гиа Нодиа — профессор кафедры социологии Тбилисского государственного университета, председатель Совета Кавказского института мира, демократии и развития (Грузия). Приглашен для научной работы в Wissenschaftskolleg (Berlin) в 1998—1999 гг.

Гиа Тархан-Моурави — национальный координатор ежегодника «Human Development Reports on Georgia», издаваемого Программой развития ООН (ПРООН).

Среди его последних публикаций «Poverty in Transitional Society: Georgia» (Tbilisi, UNDP, 1998). Готовится к публикации в 1998 г. словарь «Historical Dictionary of Georgia» (в соавторстве со Стивеном Ф. Джонсом).

Вячеслав Чирикба — защитил докторскую диссертацию по западнокавказским языкам в 1996 г. в Лейденском университете (Нидерланды). Живет в Нидерландах. Готовится к печати его книга «The Georgian-Abkhazian Conflict».

Тео Яне закончил аспирантуру на звание доктора наук в Европейском институте во Флоренции, научный сотрудник фламандского Свободного Брюссельского университета (Vrije Universiteit Brussel Бельгия). Последняя публикация «Je moet nie huilen. Je moet niet vrezen» (Electoral Systems and their Effects in Divided Societies) (совместно с Крисом Десхауэром) в книге: Bertus de Villiers, Frank Delmartino and Andre Alen (ed.). Institutional Development in Divided Societies. Pretoria, 1998.

Содержание	
<i>Бруно Коппитерс</i>	
Введение	3
<i>Гиа Нодиа</i>	
Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства	19
<i>Вячеслав Чирикба</i>	
Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода	68
<i>Реваз Гачечиладзе</i>	
Географический фон решения конфликта в Абхазии	86
<i>Юрий Анчабадзе</i>	
Грузия — Абхазия: трудный путь к согласию	108
<i>Гиа Тархан-Моурави</i>	
Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте	121
<i>Станислав Лакоба</i>	
К вопросу о кавказской конфедерации. Абхазия и Грузия: вместе или врозь?	154
<i>Бруно Коппитерс</i>	
Оттенки серого. Намерения, мотивы и моральная ответственность в грузино-абхазском конфликте.....	165
<i>Мартен Тео Яне</i>	
Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту	200
Заключение редакторов	230
<i>Бруно Коппитерс</i>	230
<i>Юрий Анчабадзе</i>	238
<i>Гиа Нодиа</i>	241
Об авторах	244